

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ Theory and History of Law Sciences

УДК 321

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-2-158-172

EDN: AXFUSE

Оригинальная научная статья

Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса

В. В. Антонченко

*Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
ГПС МЧС России, Владивосток, Российская Федерация*

✉ antovadim@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования является анализ характера взаимосвязи индивида, общества и государства, определяющегося различными состояниями права и особенностями политического режима. Цель работы заключается в выявлении значения человеческого капитала и права как ресурсов государственного и социального прогресса, определении места государственного принуждения и насилия в регуляции общественных отношений. В работе используются исторический, аксиологический, системно-структурный, социологический и сравнительно-правовой методы, позволяющие сопоставить различные подходы к правопониманию и обосновать выводы автора в отношении проблемы государственного принуждения прежде всего в сфере противодействия преступности средствами уголовного права. Комплексный и критический взгляд на историю человечества с древнейших времен до наших дней позволяет увидеть, что вся она состоит из непрерывной череды социальных конфликтов, гражданских противостояний, революций, мировых и локальных войн. Главным ресурсом в цивилизационном и государственном развитии был сам человек. Государство, подчинив себе общество с момента своего возникновения, на протяжении нескольких тысячелетий использует насилие для решения и внутренних (с помощью правоохранительных органов), и внешних (с помощью армии) задач. Это подчинение служит как рациональному общественному интересу (теория общественного договора, предотвращение войны всех против всех), так и частным интересам экономически господствующих классов и групп (теория насилия, материалистическая теория экономического детерминизма). На протяжении всей истории человеческого общежития вплоть до Новейшего времени и закрепления в политической практике современных государств феноменов правового и социального государства, гражданского общества и народного суверенитета властные элиты артикулировали интересы отдельных индивидов, социальных групп и слоев в качестве общегосударственных. Такое свойство государственности требовало особых методов регуляции общественных отношений, среди которых значимое место занимало легальное государственное принуждение, нередко принимающее формы насилия, а люди использовались как возобновляемый ресурс для выполнения государственных функций. В современном государстве, отрицающем деструктивное в своей связи с индивидами и обществом, люди являются не ресурсом для выполнения каких-либо задач, а капиталом, количественные и качественные свойства которого, включая здоровье, образование, интеллект, навыки и социальное благополучие, служат показателями его прогрессивности. В этих условиях главным ресурсом современного государства является право, защищающее фундаментальные ценности, личность и ее права от влияния вредоносных и разрушающих факторов узкогрупповой экономической, политической и идеологической целесообразности.

© Антонченко В. В., 2025

Ключевые слова: государственно-правовые процессы; государственные ресурсы; государственное принуждение; права человека; социальный прогресс; человеческий капитал

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Антонченко В. В. Легитимное принуждение и право как ресурсы государственного и социального прогресса // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 2. С. 158–172. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-158-172>. EDN: <https://elibrary.ru/axfuse>

Original scientific article

Legitimate Coercion and Law as a Resource of State and Social Progress

V. V. Antonchenko

*Far Eastern Fire-Rescue Academy – branch of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of
EMERCOM of Russia, Vladivostok, Russian Federation*

✉ antovadim@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the analysis of the nature of the interrelationship between the individual, society, and the state, as shaped by various legal frameworks and the characteristics of political regimes. The objective of the paper is to determine the significance of human capital and law as resources of state and social development, and to define the role of state coercion and violence in the regulation of social relations. The study employs historical, axiological, systemic-structural, sociological, and comparative legal methods, which allow for the comparison of diverse approaches to the understanding of law and provide justification for the Author's conclusions on the issue of state coercion, particularly in the area of combating crime through criminal law. A comprehensive and critical examination of human history – from antiquity to the present – reveals an unbroken sequence of social conflicts, civil strife, revolutions, and both world and local wars. The central resource in civilizational and state development has always been the human being. From its inception, the state has subordinated society and for millennia has employed violence to address both internal challenges (through law enforcement) and external ones (via the military). This subjugation has served both the rational public interest (as in the social contract theory, which seeks to prevent a “war of all against all”) and the private interests of economically dominant classes and groups (as posited in the theory of violence and the materialist theory of economic determinism). Throughout the history of human coexistence – up to the modern era, when the principles of the rule of law, the welfare state, civil society, and popular sovereignty have been enshrined in political practice – ruling elites have articulated the interests of individuals, social groups, and strata as national priorities. This quality of statehood has necessitated specific methods for regulating social relations, among which legal state coercion has held a significant position. Such coercion has often manifested in violent forms, and people have been treated as a renewable resource for the fulfillment of state functions. In the modern state – one that rejects destructive approaches in its relations with individuals and society – people are no longer seen as mere resources for task execution. Rather, they are regarded as capital, the quantitative and qualitative attributes of which – including health, education, intelligence, skills, and social well-being – serve as indicators of the state's progressiveness. Under these conditions, the primary resource of the contemporary state is law itself: a force that safeguards fundamental values, the individual, and their rights from the harmful and destructive effects of narrowly defined economic, political, and ideological interests.

Keywords: state-legal processes; state resources; state coercion; human rights; social progress; human capital

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Antonchenko V. V. Legitimate Coercion and Law as a Resource of State and Social Progress. *Siberian Law Review*. 2025;22(2):158–172. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-2-158-172>. EDN: <https://elibrary.ru/axfuse> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Генезис и свойства публичной власти, методы регуляции общественных отношений и роль государства в обеспечении социального благополучия тревожили умы ученых с древнейших времен. Характер взаимосвязи индивида, общества и государства определяется состоянием права и зависит от особенностей политических режимов, актуальность различных представлений о которых обостряется в периоды социальных трансформаций, связанных с глубокими нелинейными структурными изменениями общественного состояния [1], сопровождающихся, как правило, социальными потрясениями (бунтами, революциями, гражданскими войнами и т. д.), несущими многочисленные бедствия народам и способными причинять вред устойчивости политических систем (вплоть до их полного разрушения).

Обоснованно пытаясь выявить свойства государственности через познание детерминации их генезиса, ученые не обнаружили её универсальных признаков и всеобщей причины возникновения, предполагая, что возникновение и развитие государства связано с широким спектром внутренних и внешних факторов самого разного свойства: религиозного объединения, завоевательных войн, насильственного подчинения, технологического развития и разделения общества на антагонистические классы и т. д. Тем не менее теории происхождения государств, разрабатывавшиеся в разное время в разных экономических условиях и под влиянием различных религиозных и политических процессов (теологическая (Ф. Аквинский, Ф. Лебюфф, Д. Эйве), патриархальная (Аристотель, Конфуций, Р. Филмер, Н. К. Михайловский), договорная (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, А. Н. Радищев), материалистическая (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов), психологическая

(Л. И. Петражицкий, Д. Фрезер, З. Фрейд), патримониальная (А. Галлер), органическая теория (Г. Спенсер и А. Э. Вормс), теория насилия (Е. Дюринг, К. Каутский) и другие), сходятся в том, что социализация общества, неизбежно порождающая неравенство и институциональные конфликты интересов между людьми, их группами и стратами, требует наличия верховного арбитра, способного принуждением заставить на данной территории выполнять определенные правила, а значит, всегда приводит к образованию государственности. Таким образом, обязательные правила (право) диалектически связаны с механизмом их принятия и обеспечения (государством). При этом, как представляется, правовая наука уделяет недостаточное внимание ресурсному подходу к осмыслению государственно-правовых процессов.

Ресурс (фр. *ressource* – «вспомогательное средство») – это источник покрытия нужд, потребностей. Объединение мощностей, сил и средств являлось залогом выживания общества как в Древнем мире (защита своих и захват чужих земель, рабов и другого имущества, строительство масштабных сооружений, например, ирригационных, необходимых для ведения сельского хозяйства в Древнем Египте, и т. д.), так и в другие эпохи (оборонительные и захватнические войны, формирование колониальной системы и империй). Независимо от того, какую из указанных выше теорий генезиса государственности мы будем полагать наиболее верной, очевидно, что фактически и исторически большое и сложное объединение людей, начиная с их сплочения в человеческое стадо, в догосударственное родовое или общинное образование и, наконец, в государство, имело больше шансов для своего выживания.

Большая территория и большое количество населения на ней позволяли объединять ресурсы и силы масс

для противостояния перед лицом не только внутренних (стихийные бедствия, неурожай и т. д.), но и внешних (войны) опасностей. Кроме этого, большая территория обеспечивала большее количество подчиненного государственной власти населения и, следовательно, большее количество собираемой дани (что, например, было одной из причин формирования путем захватнических войн в Центральной Евразии крупнейшего государства Средневековья – Золотой Орды (XIII–XV вв.)) и налогов. Решая задачи обеспечения собственного выживания посредством расширения площади подконтрольной территории, увеличения и объединения производительных сил, государства увеличивали свою ресурсную базу.

Расширение горизонтальных и вертикальных социальных связей, усложнение общественных отношений требовали развития и совершенствования сферы обязательных правил, порождали формирование правовых систем, разнообразие которых обуславливалось культурными, национальными, религиозными и иными особенностями разных стран. Государство, возникая на определенном этапе общественного развития, подчиняет себе общество в интересах экономического господствующего класса: сначала – правящей аристократии (наследственной или выборной), позже – представителей крупной буржуазии, и наконец – профессиональной бюрократии, вынужденной ограничивать себя в своих действиях по управлению подчиненным ей обществом в силу того или иного состояния политико-правовой системы, демократических либо недемократических традиций, усвоенных на протяжении своего исторического развития всем обществом и его частью – властными элитами. Отношение социума и его властных элит к ресурсам,

способам их воспроизводства и распределения определяет «лицо» государства, его эффективность и современность, выражающиеся в реальном, поддающемся количественной и качественной оценке уровне благополучия и безопасности населения.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ

К ресурсам власти, то есть к совокупности средств, использование которых обеспечивает влияние на объект власти в соответствие с целями субъекта, относят, как правило, такие ресурсы, как экономические (материальные ценности, полезные ископаемые, деньги), силовые (аппарат физического принуждения), информационные (информация и средства ее получения и распространения), политико-правовые (законодательство), а также – и это ключевой момент – демографические, то есть людей – универсальный ресурс, создающий другие ресурсы¹.

Значимость ресурсов как оснований власти отражена в теории социального обмена (англ. *Social exchange theory*) (Дж. К. Хоманс, П. М. Блау, Р. М. Эмерсон и др.), восходящей к традиции утилитаризма в политической экономии XIX в. и сложившейся в русле идей социологического бихевиоризма. Согласно данной теории в основе власти лежит неравномерное распределение ресурсов. Индивиды, не имеющие ресурсов и получающие их в обмен на подчинение их обладателям, попадают в зависимость к последним. Обладание ресурсами порождает власть, которая сама становится важнейшим ресурсом и в масштабах государства реализуется через создаваемое властными элитами позитивное право.

Значительное накопление ресурсов, основными и до поры единственными

¹ См., напр.: Гордеев В. В. Мировая экономика и проблемы глобализации : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2008. С. 32 ; Вэриан Х. Г. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход : учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям / пер. с англ. М. : ЮНИТИ, 1997. С. 78.

из которых, наряду с властью, были территория и население, позволяло государствам решать масштабные задачи. Возобновляемость человеческого ресурса, который может накапливаться естественным образом либо захватываться у неприятеля в ходе войн и затем расходоваться, опять же, в военных целях, позволяла нещадно эксплуатировать его на протяжении многотысячелетней истории человеческой цивилизации для решения государственных задач как рациональных, так и иррациональных. Примером нерациональных, с точки зрения современного человека, задач, требовавших значительных ресурсных затрат, являются, в частности, великие стройки древности (так, по оценкам исследователей, только на строительстве одной из комплекса пирамид в Гизе (Египет) – пирамиды Хеопса – в условиях пустыни было задействовано от 10–15 до 100 тысяч человек [2]) и многочисленные и фактически непрекращающиеся войны, летопись которых и составляет историю человечества [3].

Иррациональное стремление к доминанции как оставшемуся от предков элементу инстинкта выживания, психопатологические представления о личной славе и величии правителей и военачальников лежат в основе подавляющего большинства военных конфликтов: от древних Пунических войн (264–146 гг. до н. э.) до разрушительных мировых конфликтов XX столетия. Несмотря на подробнейшую изученность большинства этих событий, вряд ли можно выявить действительные противоречия между странами и народами, которые требовали бы для своего разрешения гибели десятков миллионов людей и уничтожения громадного объема материальных ценностей. Социальные конфликты, и особенно войны, не только утилизируют громадные объемы ресурсов, но и требуют большого количества людей, оторванных от производства материальных и иных благ и готовых подчи-

няться легальной властью, несмотря на существующие риски для жизни и здоровья: «Бог всегда на стороне больших батальонов» (Ж. д'Эстамп де ла Ферте, XVII в.). Промышленная революция и достигнутый человечеством уровень промышленного производства позволили создать к XX в. гигантские запасы материальных ресурсов и высвободить из общественных отношений по производству материальных благ миллионы людей, а освоение социальных технологий по идеологизации общества обеспечило государствам эффективность концентрации человеческих ресурсов и беспрецедентные возможности по их использованию.

Люди как уникальный ресурс, обладающий собственной волей, требуют специфического механизма по управлению ими. Этим механизмом и является государство, использующее легальное принуждение, очень часто принимавшее во всех известных государствах прошлого форму насилия. Представляется, что именно отношение к человеку как к ресурсу для достижения каких-либо целей и порождает возможность государственного насилия над ним. Отличие легального государственного принуждения от неправового государственного насилия заключается в том, что первое служит общесоциальной и общепольной цели обеспечения правопорядка, тогда как второе является недопустимым переходом публичной власти за черту рационального и необходимого для обеспечения правопорядка.

Л. Н. Толстой, критикуя современный ему порядок, говорил о том, что задача государства «разбивать ответственность совершаемых злодейств так, чтобы никто не чувствовал противоестественности этих поступков». Он раскрыл этот механизм, основанный на анонимности легального государственного насилия: «Люди, совершая самые ужасные дела, не видят своей ответственности за них. Одни потребовали, другие решили, третьи

подтвердили, четвертые предположили, пятые доложили, шестые предписали, седьмые исполнили... и никто не виноват»².

Государственное насилие представляется наиболее опасным видом насилия, превосходящим по своим негативным последствиям другие его виды, в том числе все формы традиционной преступности. Внутри- и межгосударственное насилие приводит к огромным людским и материальным потерям, влекущим за собой гуманитарные катастрофы глобального характера, разрушение всей среды человеческого обитания. В войнах XX в. погибло свыше 120 млн человек, причем большинство из погибших не были комбатантами, их смерть наступила от последствий, вызванных военными действиями, голодом и болезнями; сотни миллионов людей были покалечены и лишены жилья и средств к существованию [4; 5, р. 281].

XX век являет собой, по-видимому, уникальный период в жизни человечества: несмотря на формирование тоталитарных и фашистских государств, отличавшихся сверхконтролем, сверхбюрократией, сверхрегулированием и неспособностью ограничить государственное насилие во всех сферах общественной жизни, повлекшее за собой геноциды, социальные и военные конфликты, которые стоили десятки миллионов человеческих жизней, во второй его половине на первый план выходят демократические режимы социальных правовых государств, устройство и деятельность которых соответствуют представлениям о ценности прав и свобод человека, народного суверенитета и принципа равенства граждан.

В постиндустриальную эпоху, отличающуюся от предыдущих тысячелетий существования человеческой цивилизации высокопроизводительной промышленно-

стью, высокой долей высокотехнологичных и инновационных услуг в ВВП, а также более высокой, чем в промышленном производстве, долей населения, занятого в сфере услуг, государство для своего выживания более не нуждается в человеке как ресурсе (кроме случаев войны, где люди продолжают оставаться основным ресурсом). Одновременно общество перестало нуждаться в сверхгосударствах, поскольку его выживание не требует концентрации громадных ресурсов и производительных сил. Однако, развиваясь, государства не просто продолжают концентрировать зачастую избыточные ресурсы, но и постоянно увеличивают их.

В руках современных государств или под их контролем находятся, как правило, не только ведущие, наиболее прибыльные сферы экономики, руководство налоговой сферой, правоохранительными органами и армией, но и ключевые информационно-пропагандистские средства, обеспечивающие беспрецедентные возможности по контролю общества и управлению им (пресса, телевидение, радио), позволяющие формировать общественное мнение, повестку дня и даже то или иное состояние общественного и индивидуального правосознания (правовую идеологию и правовую психологию).

Ресурсы современных государств могут быть направлены на достижение рациональных целей, связанных с повышением благосостояния и безопасности социума (социальной сферой, обеспечением правопорядка и обороны государства), однако если распределение ресурсов не является рациональным, то любое их количество не будет достаточным для обеспечения государственных потребностей. Неэффективные и нерациональные проекты способны поглотить любое количество ресурсов, которые у каждого

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Г. Черткова. М. : Терра, 1992. Т. 28: [Царство божие внутри нас, 1890–1893. Т. 28 / подгот. текста и коммент. Н. В. Горбачева ; авт. предисл. М. Зозуля]. С. 250–251.

государства являются отнюдь не безграничными. Особенно очевиден данный вывод для государств с низким уровнем восприятия коррупции: в таких государствах сами проекты могут служить лишь поводом для коррупционных действий или прямого хищения государственных ресурсов.

Сегодня объединение людей в большую общность перестало быть насущной для выживания необходимостью и одновременно явилось исторической и цивилизационной данностью. Ту работу, которую при производстве общественного продукта, создаваемого трудом в материальной сфере, двести лет назад выполняли тысячи людей, в наши дни благодаря применению новейших технологий и техники способны выполнить несколько человек. Человек, все более обособляясь от природы, создавая искусственную среду обитания, оказывается все менее зависим в своей деятельности от погодных условий и стихийных бедствий. Одновременно человек во всех сферах жизни становится все более зависимым от высокотехнологичных вещей, требующих и определенной специализации, и определенного интеллектуального уровня. Достижение благополучия и безопасности современного человека не требует уже такого, как ранее, тесного объединения в другими людьми в группу, общину, племя, род. А благополучие групп и социальных страт, основанное на достижениях технократической цивилизации, все менее зависит от тесной связи с государством. Идеал Афинской демократии, которая в результате своего недолгого развития впервые установила приоритет частных, по существу капиталистических, интересов над интересами государственными, в глобальном мире реализуется в самых широких масштабах. Свободное распространение технологий, в том числе социальных, оказывает непосредственное влияние на проникновение в политико-правовую практику совре-

менных взглядов на функции государства и способов государственного управления, в частности, на легальное принуждение и возможность/невозможность государственного насилия.

Ценности демократии как метода коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса и принципы либерализма, провозглашающие незыблемость прав и личных свобод человека, получая свое закрепление в праве и правоприменении, препятствуют утверждению насилия как метода социального управления, созидательные возможности которого в современном обществе весьма ограничены [6]. Насилие, в отличие от легального государственного принуждения, имеет антиправовую природу и даже в смягченном варианте не может быть легальным, несмотря на намерения и цели (идеологическую целесообразность, экономическую и политическую необходимость, борьбу с преступностью и т. д.) его обуславливающие.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Стремление к прогрессу человечество связывает с движением социума к свободе, к такому состоянию, при котором государство не господствует над обществом, а служит ему. Опираясь на новые в философской и общественной мысли положения рационализма и свободомыслия, эти взгляды получили свое начало в одну из ключевых эпох истории европейской культуры – эпоху Просвещения (Г. Гроций, Дж. Локк, А. Смит, Т. Джефферсон, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Вольтер и др.). Позже один из основоположников западной философии, создатель системы абсолютного идеализма Г. В. Ф. Гегель, чьи идеи существенно повлияли на развитие политики и права, полагал, что историей движет стремление человека к свободе; прогресс в сознании свободы, который и является всемирной историей,

выражается через идеологии — идеи, объединяющие культурные, нравственные и религиозные взгляды и ценности [7, с. 19].

Народы и элиты подавляющего большинства государств прошлого до наступления эпохи европейского Просвещения, давшей импульс интеллектуальному и общественному развитию, не имели представлений о гражданских правах и политическом равенстве. Немецкий философ, социолог, экономист и материалист К. Маркс, отталкиваясь от провозглашенных в эпоху Просвещения идей равенства, именно их полагал руководящими в цивилизационном развитии человечества. Объясняя линейность исторического развития экономическими детерминантами и материальными факторами, он считал, что, достигнув состояния всеобщего равенства и избавившись от антагонистических противоречий, человечество придет к процветанию бесклассового коммунистического общества и перестанет нуждаться в государстве, что будет являться причиной исчезновения последнего³.

Сегодня роль национальных государств размывается эволюционными процессами изменения структуры мирового хозяйства, экономической, политической и культурной интеграции (глобализации), формированием единой мировой рыночной экономики (геоэкономики). Данные процессы неизбежно и объективно сказываются на снижении роли государственного суверенитета, который на протяжении веков занимал главенствующее положение в международной политике. Так или иначе, но большинство государств, в том числе и с недемократическими политическими режимами, вынуждено сегодня равняться на «основополагающие принципы»: равноправие, гуманизм, законность и справедливость, «общепризнанные нормы», «передовой

международный опыт», отрицающие право кого-либо, включая и государство, на насилие. Те страны, которые следуют этому курсу и преуспевают в нем, в короткий промежуток времени показывают высокие темпы развития экономики, роста ВВП, жизненного уровня, благосостояния и безопасности населения (Япония, 1960–1980-е гг.; Китай, 1978–2000-е гг. и др.).

Социальная реальность и технологические возможности (прежде всего, в военной сфере) свидетельствуют от том, что сегодня для выживания человечества необходимо объединяться уже не людям и общественным группам, а государствам. Договорная теория происхождения государства объясняет, что процесс превращения отдельных индивидов в народ и государство сопровождался передачей ими части своей свободы в руки государства и подчинению законам, лежащим в основе системы взаимных прав и обязанностей государства и общества. Также и межгосударственное объединение неизбежно предполагает передачу части своего суверенитета надгосударственным органам. Современным примером такого органа (при всех его недостатках и признании обоснованной критики) может служить Организация Объединенных Наций, созданная после Второй мировой войны для предотвращения возможных войн в будущем, поддержания и укрепления международного мира и безопасности.

Сложно представить себе существование общества в постгосударственном состоянии. Однако очевидным является то, что поступательное движение цивилизованных форм человеческого общежития постепенно освобождает общество от безусловного государственного доминирования. Евроцентричность мировой истории в целом и господство европейских социальных технологий, доказавших свое преимущество в обеспечении социального благополучия, в частности

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / [пер.]. М. : Прогресс, 1986. 103 с.

заставляет обращать внимание на европейские идеи конституционализма, присваивающие государственной бюрократии и административному классу подчиненную обществу роль и лишаящую их права на реализацию собственных интересов за счет государства.

Общественное развитие высокодифференцированной социальной структуры, которой является государство, меняет подходы к человеку и назначенной ему социальной роли. От древнего «Человек есть мера всех вещей» Протагора⁴ через антропоцентризм эпохи Возрождения (XIV–XVI вв.) и гуманизм европейского Просвещения (XVII–XVIII вв.) идеи свободы, равенства, справедливости, права человека на достоинство перешли в конституции современных государств и закрепились в них (ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»). Перемещение человека с периферии стандартных представлений о важном и второстепенном среди всех вещей и явлений, встречаемых в природе и обществе, в центр, закрепление за ним свойств высшей ценности не было ни легким, ни быстрым. И сегодня оно все еще не является окончательным: слишком разнятся люди и их группы по своим политическим и религиозным убеждениям, материальному статусу и образу жизни, воспитанию и образованию; слишком хрупка человеческая цивилизованность (в узком смысле) перед лицом всё возрастающих социальных, военных, экологических рисков, природных и техногенных катастроф. Тем более значимы сегодня идеи гуманизма и ценность личности, которая является и субъектом, и объектом цивилизационного прогресса, и автором технологий (в том числе социальных), побеждающих нищету, голод и болезни. Как говорил Вольтер, «Бог [больше] (примечание наше. – В. А.) не на стороне

больших батальонов, а на стороне лучших стрелков».

Понятие «ресурс» (то, что тратится для достижения каких-либо целей) в отношении человека не является приемлемым с точки зрения современных подходов к феноменам государства и права. Оно, безусловно, должно быть заменено понятием «капитал» (то, что имеет самостоятельную ценность, требует роста этой ценности и может обеспечить этот рост). Проводя аналогию с марксистской политэкономией, где капитал не просто стоимость, а *самовозрастающая* стоимость [8, с. 62], можно заметить, что в социальных отношениях человеческий капитал имеет (должен иметь) *самовозрастающую* ценность. С развитием социума права человека на жизнь, здоровье, свободу, справедливость и юридическое равенство между людьми, занимая высшее положение в иерархии других ценностей, все чаще и публичной властью признаются высшей ценностью. Осознание непреходящей во времени и пространстве роли этих ценностей опирается на признание уникальности каждой личности и фундаментальность естественно-правовой доктрины, подтверждающей наличие у человека ряда неотъемлемых прав, которые принадлежат ему исходя из самого факта его отношения к человеческому роду.

Ценность личности, занимая доминирующее положение среди других правовых и государственных ценностей, должна быть обеспечена всем массивом законодательных актов и практикой их применения. При этом каждый человек уникален, а следовательно, самооценочность разных людей не одинакова. На нее влияют различные факторы, в том числе индивидуальные особенности человека и его достижения. Ценность личности может увеличиваться путем дальнейшей социализации, интеллектуального развития, следования этическим принципам

⁴ *Протагор* // Новая философская энциклопедия : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. Т. 3: Н–С.

и моральным убеждениям, повышения уровня профессиональной компетенции, духовного и эмоционального развития, эмпатии и жизненной мудрости. В конечном счете ценность индивида может быть определена по качеству его отношений с окружающими людьми и способности приносить пользу обществу.

Пройдя череду сложных общественно-политических трансформаций, связанных с революциями, мировыми и локальными войнами, возникновением и крушением колониальной системы и империй, человечество в цивилизованной его части пришло к такому положению, которое Ф. Фукуяма в конце XX в. назвал «концом истории», понимая под этим утверждение во многих, в частности и ранее авторитарных, странах либерально-демократических политических режимов и соответствующих им органов власти (правительств). По мнению Фукуямы, данная очевидно наблюдаемая тенденция носит глобальный характер и означает конец идеологических противостояний, больших войн и революций [9].

Сегодня следует признать, что американский мыслитель и те, кто придерживался мнения о «всемирно-исторической победе» либеральной демократии и вечном «мире во всем мире», если не явно заблуждались, то как минимум явно поторопились. Выводы, сделанные под влиянием эйфории от краха авторитарных, тоталитарных, в том числе и откровенно фашистских, режимов на разных континентах, не учитывают того, что общество и государство на любом из этапов своего развития не могут представлять из себя застывшие в неизменном виде формы. Развиваясь нелинейно, они время от времени приходят к точкам бифуркации, в которых решение о выборе дальнейшего направления движения в немалой степени зависит от субъективных факторов: представлений о ценностях, идей, интересов и заблуждений правящих элит. Последующие события начала XXI в., связанные

с реваншем авторитаризма в некоторых государствах, многочисленными террористическими атаками и войнами в самых разных частях света, заставили Ф. Фукуяму пересмотреть свои взгляды на всеобщую победу идеологии либеральной демократии, основную угрозу для которой представляют биосоциальные свойства индивида [10].

Несмотря на то что «конец истории» явно откладывается, расширение взаимосвязей и усложнение взаимодействия между людьми, корпорациями и государствами, характеризующих процесс глобализации, очевидны. Глобализация затрагивает не только экономическую сторону жизни сообществ; вслед за расширением и унификацией рынка технологий и товаров глобализация стирает границы как для физического перемещения людей, так и для оборота элементов интеллектуальной сферы, культуры и искусства (литературы, музыки, кино и т. д.). Это неизбежно ведет к взаимопроникновению идей о желаемом и должном устройстве общественной жизни и государственной власти, равно как и к конвергенции правовых систем и взглядов на право, которое не опирается на насилие, а противостоит ему.

Право как государственный ресурс прогресса

Сложные системы, к которым, безусловно, относится государство, всегда подвергаются рискам накопления неблагоприятных факторов, рано или поздно проявляющихся в виде кризисов. Общество и государство как неравновесные системы подвержены влиянию многочисленных и разнообразных факторов: необходимых и случайных явлений, нестабильных и неустойчивых процессов, вызываемых как внутренними, так и внешними причинами, обусловленных прежде всего столкновением интересов индивидов и социальных групп.

При особо неблагоприятном развитии событий, связанном с субъективными компонентами некомпетентности высших чиновников в частности и властных элит в целом (что может обуславливаться особенностями их формирования и отбора), преследующих не общегосударственные, а личные или групповые интересы, величина кризиса может быть разрушительной для всей системы. Наиболее яркими примерами подобных кризисов в отечественной истории являлись события 1917 и 1991 гг., приведшие к краху государства.

В условиях рисков и угроз, обостряющих нестабильность политической системы, необходим прочный фундамент, на котором бы строилось качественное государственное управление, заботящееся о своей эффективности. Сложноорганизованная система должна быть склонна к рефлексии, то есть самопознанию, которое лежит в основе самосовершенствования и саморазвития. Причем данные процессы должны являться не имитационно-декларативными, отраженными в разного рода программных документах (например, как во многочисленных нереализованных проектах советского периода: жилищной, продовольственной, лунной и других программах), не учитывающих реального положения дел, но преследующих только пропагандистские, то есть оторванные от реальности, цели, а действенными и адекватными сложившейся ситуации. Замусоривание социальной реальности контрпродуктивными, но, как правило, высокочатными проектами, призванными отвлечь население от проблем реальной действительности, не ослабляет, а, наоборот, увеличивает социальную энтропию и ускоряет обрушение системы, перестающей выполнять свои функции где-либо, кроме как на бумаге.

Государствовед и экономист Лоренц фон Штейн, впервые употребивший понятие «социальное государство» (1850), говорил о том, что задача государства заключается в становлении общественного равенства и личной свободы. По мнению Л. фон Штейна, государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает важным условием развития другого: «...чем ничтожнее его граждане, тем оно само ничтожнее; чем меньше они развиты, тем менее развито и само государство» [11, с. 28]. Этот подход диаметрально противоположен принципу древнекитайского легизма, идеологи которого открыто и откровенно презирали народ, нуждающийся, по их мнению, в кнуте: «Слабый народ – сильное государство» [12, с. 308]. Следует заметить, что закрепление таких взглядов древних китайских философов в практике государственного управления стало одной из причин, на тысячелетие обусловивших глобальное отставание Китая в цивилизационном развитии.

Сравнительный анализ конкретных социологических данных о качестве жизни граждан в различных государствах (продолжительность жизни, доход граждан, их покупательная способность, уровень здравоохранения, уровень образования, стоимость недвижимости, безопасность, уровень преступности и т. п.) убедительно свидетельствует⁵ о том, что ключевое значение в достижении обществом прогресса, соответствующего современным представлениям о должном, имеет отношение государства к личности человека, объективированное в наличии реально действующих демократических институтов, элементов правового государства и гражданского общества [13]. Чем более демократичным и правовым является

⁵ См., напр.: *Department of Economic and Social Affairs. Economic Analysis // United Nations. 2025. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad> (дата обращения: 01.05.2025)* ; *Экономические показатели // Trading Economics. 2025. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/countries> (дата обращения: 01.05.2025).*

государство, тем больших успехов оно способно добиться в своем прогрессивном развитии.

В век всеобщей грамотности, информатизации и глобализации, мобильности населения эффективным может быть только то государство, которое стремится к обеспечению общесоциального интереса, благополучия и безопасности всего социума, а не отдельных индивидов и социальных групп. В современном мире фундаментом государственного управления, о котором говорилось выше, не могут быть националистические или религиозные ценности и идеи, идеологические ценности, маскирующиеся под морально-нравственные императивы и служащие цели управления обществом на основе манипуляции массовым сознанием. Не могут быть эффективной опорой и надежды на государственное принуждение, если оно выходит за рамки необходимого в противодействии преступности и, теряя свои правовые свойства, приобретает формы насилия. Публичная власть в таком государстве не выполняет в должной мере функцию согласования общественных интересов и защиты правопорядка и перестает удовлетворять общество. Подмена реальных общественных интересов личными, узкогрупповыми либо мнимыми, основанными на религиозных, идеологических и подобных им догмах, дифференцирует общество и порождает острые социальные противоречия. Даже властные элиты в подобных неправовых условиях понимают свою незащищенность и теряют интерес к сохранению существующего режима.

Сегодня, когда человек в современном государстве теряет характер ресурса и приобретает свойство капитала, который следует приумножать и всемерно развивать, место основного государственного

ресурса должно занять право. При этом основной жизнедеятельности прогрессивного государства может быть лишь рациональное право, направленное на обеспечение не группового (классового), порождающего и усиливающего тенденцию к групповому (социальному) паразитизму [14], а общего интереса; право, защищающее фундаментальные (универсальные) ценности от влияния факторов экономической или политической целесообразности, воздействия каких бы то ни было идеологий и политтехнологий.

В юридической науке достаточно глубоко разработаны теоретико-правовые и отраслевые вопросы основ государственного управления⁶, в котором под правовыми ресурсами обычно понимается законодательство, в том числе международные правовые акты, акты судебной практики и иные средства, использование которых обеспечивает влияние субъекта на объект власти. Вместе с тем представляется необходимым более глубокое познание права как самостоятельного ресурса, диалектически взаимосвязанного с феноменами правовой культуры и правовых ценностей, являющихся ориентиром юридически значимого поведения и определяющих собой качественное состояние правовой системы. В основе уважения к закону, уверенности в справедливости права и гуманности правосудия, привычки соблюдать и придерживаться правовых предписаний лежит тот или иной уровень правового развития общества, но прежде всего его властных элит.

Теоретическое и доктринальное знание о праве, понимание его сущности и принципов, ценностных свойств и качеств всегда имеет некоторый разрыв с практической сферой, в первую очередь в правоохранительной деятельности и сфере уголовного права. Величина этого разрыва обратно

⁶ *Правовое обеспечение государственного и муниципального управления* : учеб. / [И. А. Андреева, В. С. Афанасьев, А. В. Борисов и др.] ; под общ. ред. Д. В. Пожарского. М. : Акад. управления МВД России, 2020. 400 с.

пропорциональна степени цивилизованности государства. Задачей современного государства является сокращение этого разрыва. Там, где право служит человеку и защищает его от насилия, общество добивается очевидных и существенных успехов в своем благополучии. Частный случай этого подхода – в отношении права и политики: чем меньше политики в праве, тем больше права в общественной жизни, включая и саму политическую область. Данный вывод особенно актуален при оценке взаимодействия, взаимовлияния и взаимообусловленности норм уголовного права и средств уголовной политики [15].

Функции права как государственного ресурса выражаются, прежде всего, в том, что оно, предусматривая создание защитных и обязательных мер и помещая государственную деятельность в строгие рамки нормативных требований, легализует работу государства. Определяя границы деятельности государства, истинное право выступает барьером на пути государственного произвола, предотвращает необоснованное и незаконное ущемление прав и свобод человека. Правовые средства, расширяя сферу деятельности человека в экономике, политике, науке и иных сферах общественной жизни, создают условия для юридической свободы человека, ограничивают участие государства в частной жизни граждан. Именно состояние права, то или иное воплощение декларируемых принципов в реальной действительности обуславливает будет ли в государстве обеспечен уровень благополучия и безопасности его граждан, соответствующий современным представлениям о них, будет ли само государство поступательно развиваться либо деградировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликты ценностей в повседневной жизни неизбежны, однако они являются двигателем прогресса общества и государства. Способность отнесения вещей и яв-

лений к ценностям – это сложный когнитивный навык, требующий постоянного интеллектуального напряжения, позволяющий отличить ценности от антиценностей – разрушительного начала и для общества, и для отдельного индивида. Ценность права напрямую зависит от того, какие ценности это право выражает и защищает.

Гигантские проекты и чудовищные войны, за которые человечество заплатило слишком большую цену, не могут быть оправданы в мире, где человек является не ресурсом, а капиталом. Иной подход грозит сползанием цивилизации к средневековым отношениям, влекущим за собой зависимость большинства населения от феодала или состоятельного сюзерена, бессмысленные военные конфликты с бесчисленными жертвами, разрушение городов и запустение территорий. Однако в сравнении с прошлым текущий этап Новейшего времени (постмодерн, метамодерн) несет еще и глобальные угрозы, способные поставить человечество на грань выживания. Риски глобальных экологических катастроф и применения оружия массового поражения способны если не уничтожить человечество, то вернуть его в условия крайней бедности и упадка доиндустриальной эпохи. О реальности подобных угроз много и, как представляется, обоснованно говорит, например, криминолог, девиантолог, суицидолог и специалист в области уголовного права профессор Я. И. Гишинский [16].

В правовом демократическом государстве народ является единственным источником власти, агрегирующим в себе все исторически обусловленные факторы ее возникновения. Уже в силу этого в современном государстве, стремящемся к прогрессу, народ (граждане, люди) не может быть ресурсом для достижения властных целей. Гуманизм (лат. *humanus* – «человечный») как принцип построения социальной системы, в которой высшей ценностью является человек (прежде

всего, его жизнь), а все ресурсы направлены на то, чтобы сделать эту жизнь максимально комфортной и безопасной, приобретает сегодня особую актуальность. Право, воплощающее и реально защищающее этот принцип, объявляющее вслед за Протагором человека «мерой всех вещей», является не только ресурсом государственного и социального прогресса, но и в глобальном значении условием выживания человечества.

Практическое применение результатов настоящего исследования, а также усилий будущих исследований должны быть направлены на разработку конкретных механизмов реализации указанных идей в современной государственной практике. На теоретическом уровне, в законодательстве и правоприменении требуется качественная ревизия подходов к проблеме легального государственного принуждения⁷. Так, несомненный исследовательский и практический интерес представляет область уголовно-правового ценностного содержания, определяющего то или иное состояние уголовной политики совре-

менного государства, влияющее на эффективность правоохранения и качество выполнения государственной функции по обеспечению безопасности граждан, общества и государства. Сегодня, например, есть все основания говорить о недостаточной защите нормами уголовного права личности человека. Также требует своего признания правосоставительная способность уголовного права, которая должна принимать свойство его основной функции во всех случаях, когда вред, причиненный преступлением, возможно возместить⁸.

Глобальное движение общества от низших состояний к высшим, обеспечивающее благополучие и безопасность населения в условиях усложнения социальной жизни, требует разрешения практических проблем в области легального государственного принуждения на основании научно-обоснованных социологических и криминологических изысканий, не подверженных при этом политическому, идеологическому, мифологическому и иному подобному влиянию.

Список литературы

1. Linnér B.-O., Wibeck V. Conceptualising Variations in Societal Transformations Towards Sustainability // *Environmental Science & Policy*. 2020. Vol. 106. P. 221–227. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2020.01.007>
2. Павлов Н. Л. Как строились египетские пирамиды // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022. № 4 (61). С. 162–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/1998-4839-2022-4-162-175>
3. Все войны мировой истории : по Харпер. энцикл. воен. истории Р. Э. Дюпюи и Т. Н. Дюпюи / [редкол.: А. Д. Балабуха и др.] ; с коммент. Н. Л. Волковского, Д. Н. Волковского. СПб. : Полигон, 2004.
4. Щербакоева Е. Людские потери в вооруженных конфликтах в мире: 1946–2015 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 69–102. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1754>
5. Ponting C. The Twentieth Century: A World History. New York : H. Holt, 1999. 584 p.
6. Залысин И. Ю. Насилие как метод социального управления // *Бизнес и дизайн ревю*. 2016. № 4 (4). С. 10.
7. Гегель Г. В. Ф. Сочинения / под ред. А. Деборина, Д. Рязанова ; Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. М. : Л. : Гос. изд-во, 1935. Т. 8: Философия истории / пер. А. М. Водена ; под ред. и с предисл. Ф. А. Горюхова. 470 с.
8. Ильин М. А., Рабинович М. А. Политическая экономия капитализма в вопросах и ответах. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1973. 256 с.
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / [пер. с англ. М. Б. Левина]. М. : АСТ, 2005. 588 с.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / [пер. с англ. М. Б. Левина]. М. : Центр гуманитар. технологий, 2004. 349 с.
11. Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 года / пер. со 2 нем. изд. СПб. : Тип. А. М. Котомица, 1872. 305 с.

⁷ Антонченко В. В. Уголовное наказание: социальные иллюзии и теории заблуждения // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2024. № 2 (68). С. 34–42.

⁸ Антонченко В. В. Оптимальная уголовная политика // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20, № 1 (170). С. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.170.1.131-140>

12. Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы / пер. с фр. В. Б. Иорданского. М. : Алгоритм, 2008. 523 с.
13. Букина Е. Е. Правовая деалиенация как основа благополучия человека // Вестник науки Сибири. 2015. № 4 (19). С. 23–30.
14. Макаренко В. Л. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 120–128.
15. Hasbrouck B. Prisons as Laboratories of Antidemocracy // The Yale Law Journal. 2024. № 133. P. 1966–2016.
16. Гилинский Я. И. Онтологический трагизм бытия : сб. ст. СПб. : Алетейя, 2023. 190 с.

References

1. Linnér B.-O., Wibeck V. Conceptualising Variations in Societal Transformations Towards Sustainability. *Environmental Science & Policy*. 2020;106:221-227. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2020.01.007>
2. Pavlov N. L. How the Egyptian Pyramids Were Built. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022;4:162-175. DOI: <http://dx.doi.org/10.24412/1998-4839-2022-4-162-175> (In Russ.)
3. Balabukha A. D. (Ed.). *All the Wars of World History*. St. Petersburg: Polygon Publ.; 2004. (In Russ.)
4. Shcherbakova E. Casualties in Armed Conflicts in the World: 1946–2015. *Demographic Review*. 2016;3(2):69-102. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1754> (In Russ.)
5. Ponting C. *The Twentieth Century: A World History*. New York: H. Holt, 1999. 584 p.
6. Zalyzin I. Yu. Violence as a Method of Social Management. *Biznes i dizain revyu*. 2016;4:10. (In Russ.)
7. Hegel G. W. F. *Complete Works. Vol. 8: Philosophy of History*. Moscow, Leningrad: State Publ.; 1935. 470 p. (In Russ.)
8. Il'in M. A., Rabinovich M. A. *Political Economy of Capitalism in Questions and Answers*. 3rd ed. Moscow: Politizdat Publ.; 1973. 256 p. (In Russ.)
9. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Moscow: AST, 2005. 588 p. (In Russ.)
10. Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. Moscow: Tsentr gumanitarnykh tekhnologii Publ.; 2004. 349 p. (In Russ.)
11. Stein L. von. *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789*. St. Petersburg: Printing House of A. M. Kotomits, 1872. 305 p. (In Russ.)
12. Granet M. *Chinese Thought from Confucius to Laozi*. Moscow: Algoritm Publ.; 2008. 523 p. (In Russ.)
13. Bukina E. E. Legislative Dealienation as the Basis for an Individual Well-Being. *Siberian Journal of Science*. 2015;4:23-30. (In Russ.)
14. Makarenko V. L. Interest Groups and Administrative Apparatus: To the Research Design. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1996;11:120-128. (In Russ.)
15. Hasbrouck B. Prisons as Laboratories of Antidemocracy. *The Yale Law Journal*. 2024;133:1966-2016.
16. Gilinskii Ya. I. *The Ontological Tragedy of Being*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; 2023. 190 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Викторович Антонченко, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (пос. Аякс, 27, о. Русский, Владивосток, 690922, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>; Researcher ID: AAB-4863-2022; e-mail: antovadim@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Antonchenko, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Far Eastern Fire-Rescue Academy – branch of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia (27 Ayaks settlement, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>; Researcher ID: AAB-4863-2022; e-mail: antovadim@yandex.ru

Поступила | Received
07.03.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
07.04.2025

Принята к публикации | Accepted
03.06.2025